

М. Маслов

ВОСПЕТЬ КРАСОТУ ТРУДА

Жизнь наша советская — поистине многокрасочная, кипение работы, трепет радости. И как не пожелаешь вместе с вдохновенным поэтом спешить «туда, в степной простор, к разливу рек, чтоб вслушаться, о чем поет мотор и человек», с поэтом, который, устремившись в живую жизнь, возвещает:

Я всё понять
Хочу в большом труде —
В поля иду,
Чтоб песнь моя
Была слышна везде,
Как гимн труду.
(А. Исаков, «Творчество»).

Да, жизнь зовет! И художники слова, охваченные творческим пафосом, начинают особенно активно изучать, глубоко осмысливать всё новое, яркое, волнующее в нашей действительности в такое по-настоящему боевое время. Они хотят идти вперед, не отставая от замечательных событий дней, дышать дыханием современности и тех людей, что творят, преобразуют жизнь, умножают ее богатства по велению партии, людей, которых видит вся наша страна, пылающих большой энергией, озаренных новой мечтой, светом будущего.

Задача нашей литературы — воспеть поэзию труда, изображать людей в их трудовом подвиге. Пробудить любовь к труду, вселить это благородное чувство в души молодежи, научить ее быть счастливой, прекрасной в работе — к этому стремятся писатели — и известные, большого масштаба, и безыменные, «местные».

Есть необходимость поговорить, как работают литераторы Ставрополя в главном направлении жизни. Как они борются за то, чтобы их произведения учили «любить человека, уважать его труд и сердечно любоваться прекрасными плодами его непрерывного великого труда» (Горький). Тема труда, дела героев сельского хозяйства находят в книгах местных

авторов бледное отражение. Причем, люди в некоторых из них изображаются такими, что недоумеваешь, с кого их портреты пишутся, есть ли они в действительности. О колхозниках, механизаторах МТС, рабочих совхозов написано так мало и так серо-умозрительно-туманно, что невозможно что-либо привести в пример.

Писателей Ставрополя больше интересует трудовая жизнь детей и юношества. Это надо только приветствовать. Воспитывать у детей любовь к труду, помочь вырастить их настоящими тружениками, деятельными, жизнерадостными — это почетный долг советских писателей! К сожалению, и произведения о школьниках немногим отличаются от тех, что посвящены «взрослым». В них есть идейно-тематическая новизна, элементы художественности, но мало живой, волнующей поэзии, слабо выражается любовь к труду, его эмоциональная сторона — эстетическая сила, героика, овеянная романтикой, наполняющая юные сердца волей и мужеством, упоением и чувством нравственного подъема, пафосом высшего счастья. А как хотелось бы почувствовать в этих произведениях ту «прелесть жизни, изумительнейшую красоту деяния», о которой мечтал Горький.

В этом свете рассмотрим некоторые примеры.

Ребята, показанные в повести Г. Гора «Наследники героя», много работают, оборудуют пионерский лагерь, участвуют в прополке и уборке урожая, помогают садоводам. У ребят есть желание работать, они своим задором возбуждают у других не только уважение и любовь к труду, но даже зависть. Ника Колокольцев с жадностью наблюдает за интересными делами пионеров, и его, обособившегося от коллектива, потянуло к сверстникам, занятым общественно-полезной работой. Но сильнее забилося бы сердце у Ники, да и у читателя, если бы картины труда

были нарисованы живее, нагляднее, а сами примеры — более одушевленными, наделенными всей полнотой детских чувств и мыслей.

Автор повести борется за Нику, за то, чтобы и ему помочь найти дорогу в жизни. Г. Гора дает пример того, каким духовно опустошенным, бесполезным обществу становится человек, у которого нет чувства любви к делу, к определенной профессии.

Рассказ о Мурашкине поучителен, он внушает тревогу за судьбу мальчика, растущего без отца. В повести слышится голос призыва к умному труду и преданности выбранной специальности. В ней встречаются живые места, в которых показываются дети в работе. Вася и Андрюша, чтобы построить плот, с азартом пилят вербу, радостно думая о том, что они делают. Их увлекает сам процесс творчества, то, как «острая пила, шурша, врезалась в мягкое дерево, струйками летели опилки». С азартом, смехом и шутками пионеры оборудовали свой лагерь. В этих сценах ребята преображаются, делаются обаятельными, духовно красивыми.

Но о красоте труда автор пишет не всегда взволнованно и с желанной страстностью, с художественным темпераментом. А эта тема требует горячего воодушевления, заразительного подъема. Тут нужны образная речь, теплота и возвышенность чувств, оживленное и заманчивое повествование, полное энергии, жизни и движения, — поэтический огонек, дыхание романтики, пробуждающее мечту у ребят стать в ряды строителей коммунизма. Именно такое произведение способно дать почувствовать, что

Единое счастье — работа
В полях, за станком, за столом, —
Работа до жаркого пота,
Работа без лишнего счета, —
Часы за упорным трудом.
(В. Брюсов. «Работа»).

Читая же повесть, невольно чувствуешь, что Гора больше был озабочен тем, какие виды труда показать, меньше задумываясь над художественной формой изложения, образно выразительными средствами языка. Он не изображает труд, как творчество, а лишь сообщает о нем, подчас скучно и однообразно, в стиле сухого отчета, трафаретной информации. Он пишет, например, что экзамены сданы, и «ребята как бы шагнули в знаниях на ступеньку вверх». А как это происходило, какое напряжение и переживание было у них, каки-

ми они были в то время, — неизвестно. Обращаясь к учащимся, М. И. Калинин говорил: «Учиться хорошо и отлично — самое главное патриотическое дело советских ребят». Какая возможность была у автора раскрыть в этом главном патриотическом деле советских ребят их душевный мир, разные оттенки их характеров! А он ограничился лишь констатацией голого факта, не играющего никакой роли в выражении духовного облика «наследников героя».

В книге рассказывается, что у ребят «делов по горло», но вместо создания ярких, впечатляющих картин труда получается просто сбор, унылая регистрация фактов, внешнее описание того, что делают школьники, не говорится о том, как по-разному они работают, как социалистический труд, отношение к нему определяют характер героев, какой свет горит в их душах при этом. Труд, выдвигаемый на первый план, выступает как-то обезличенно, в отрыве от самих тружеников. В нем не распознаются герои, богатство и своеобразие их мыслей, переживаний, не показывается колорит настроений ребят. А важно ведь передать не столько то, что делают герои, сколько то, как это ими делается, какое живое побуждение волнует их. Как же можно прославить труд без изображения людей в труде, не создавая характера героев в деятельности, сглаживая их индивидуальные особенности, не показывая духа героики, не раскрывая душевного состояния человека!

Повесть бедна поэтическими картинками творческой трудовой деятельности юных патриотов. М. Горький, сожалея, что «поэзия трудовых процессов все еще недостаточно глубоко чувствуется молодежью», требовал: «Нам нужно воспитывать в стране трудовой пафос, восторг, это — нужно!» В повести Горы много восторгов. Но они выражаются не в трудовом подъеме, а лишь в связи с результатами работы, поэтому читатель остается равнодушным к успехам школьников. Герои восклицают:

- На красоту получилось!
- Красота!
- Да, на весь район прогремели, есть чем гордиться...

Восторг этот беспочвен, неконкретен, так как выражается он словами, а не образами. Чувства эти, может быть, и бурные, но поверхностные, не способные организовать помыслы и действия ребят. Глубокие чувства не выразишь неодушевленными рупорами.

Неподготовленными остаются уверения автора, что у пионеров «работа шла дружно», что

они, как именинники, ходили по лагерю, им «приятно, радостно было оттого, что всё в нем сделано своими руками». Или (по другому случаю, но не другими средствами языка): «Приятно... Радостно смотреть на сделанное своими руками». Возвращаясь с работы, пионеры поют «песню о труде, о том, как хорошо трудиться в строю друзей». Как хорошо трудиться в строю друзей,— это и следовало бы показать, дать почувствовать, какой горячий порыв, какая музыка труда наполняли сердца героев. Слов нет, успех всегда радостен. Но чувство это может зажечь других тогда, когда они пережили вместе с героями их волнения, их удачи и ошибки в нелегком, но захватывающем деле. Тогда и гордость, которую испытывали ребята, любясь достигнутым, вселилась бы в душу читателя. Писать о том, как наши люди умеют работать и чувствовать поэзию своего труда,— дело очень нелегкое. Этому нужно учиться. Тут необходимы знание героя, вдохновение, мастерство. Изображать людей в труде, сам процесс их работы бледно, скучно, вяло — значит не достигнуть воспитательной цели.

Может ли книга тронуть детскую душу, найти к ней доступ, если в этой книге найдешь лишь робкие попытки автора овладеть и управлять сердцем читателя, если в ней вместо картин, насыщенных радостными эмоциями,— нагая фактография, приукрашенная слабыми образными средствами? Вряд ли проникнешься идейным содержанием и испытаешь художественное наслаждение при чтении книги, написанной таким вот немощным языком:

«Когда подъехала доверху **нагруженная** подвода, ее дружно **разгрузили**».

«По грудь скрываясь в **рослом** ячмене, Лева захлопал в ладоши...» (Раз **по грудь** скрывался Лева — значит, ячмень был рослый).

«**Рослый** камыш шуршал».

«За **рослой** кукурузой был стан».

«На краю пшеничного поля трудился Витя Золотов и **несколько** ребят из его звена»(?).

«Позади оставались две широкие, темные полосы взрыхленных **междурядий**, а **между** ними зеленел **ряд растений** арбуза»...

«Ключ на три восьмых брось сюда!»

Примеров подобного рода мы взяли менее чем «на три восьмых», но и они не могут не убедить, что писать таким искалеченным языком о труде — значит, засушить, а не воспламенить человеческие чувства. Такое «стреноженное» писание не вызовет переживания, волнения, это — испытание чувств. Такой язык не поможет воспринять художественное

произведение эмоционально, не разбудит сильного душевного отклика в человеке,— он отпугнет от книги. Автор не поднимается до художественного уровня, соответствующего важности темы.

Но обратимся к другому произведению, преследующему ту же благородную цель подготовки детей к мирной трудовой деятельности. Эта книга мало вносит разнообразия в содержание и творческие приемы при раскрытии темы, но в ней более ощутимо дыхание трудовой жизни ребят. В повести П. Мелибеева «Лето на Медвежьем» заметнее показано эстетическое чувство героев в труде, их экспрессия, романтика советской действительности. Пионеры мечтают о будущем, готовятся к нему, стремятся «не уронить в труде пионерского достоинства». Герои повести — «боевые ребята с красными галстуками, в делах молодцы, работающие». Герои повести Мелибеева хороши в своем молчаливом увлечении делом: «Молчал даже Ленька. А раз молчал Ленька, значит, ребята, действительно, увлеклись работой».

«Лето на Медвежьем» выгодно отличается от книги «Наследники героя» и тем, что она прививает не только уважение к труду, а и привычку к нему. Герои повести, мальчики и девочки, учатся готовить обед, чинить одежду, изготавливать простую мебель, косить пшеницу, вязать снопы. Они понимают, что «когда нет привычки, всякая работа кажется особенно тяжелой», они приучаются к самостоятельной жизни, преодолению трудностей.

Нельзя не заметить, что автор был охвачен желанием написать хорошую книжку о детях, их труде. И тем не менее не остался оригинальным в своем замысле и художественных приемах, способных активно воздействовать на читателя.

Не идя по пути лакировки и сглаживания трудностей в жизни, Мелибеев всё же воздал должное порочной тенденции — воспитывать детей только на положительных примерах. Все школьники, изображенные им, если не совершенно безукоризненны, то во всяком случае близки к этому — особенно в их отношении к труду.

Безупречно выглядит, например, пионервожатый Шура, от лица которого ведется повествование и даются поучения. Немногим старше пионеров, Шура резонерствует по-взрослому: «Хуже всего, когда у человека убивают инициативу. Этого нельзя, то опасно, другое как бы не было вредным. Вот и вырастет запуганное, ни к чему не приспособленное существо... нельзя же держать ребят под стеклянным кол-

паком». Каждая книга должна быть поучительной, но если в ней, по выражению Писарева, «дидактизма нет и тени». Показывать персонажей интеллектуального склада, будущих деятелей, духовно обогащать ребят — надо. Плохо, когда при этом нередко забывают о реальности образа юного героя, о психологической правде его характера, поступках и качествах, соответствующих его возрасту. «Шура, — восхищается автор, «как-то здорово умел всем руководить... без его совета никакое дело не обходилось». А между тем, какая в нем скудность и бледность чувств, какая на нем печать однообразия, серости и назидательной скуки, стандартной добродетели. М. И. Калинин предупредил, что, воспитывая молодежь, направляя ребят на определенный жизненный путь, «надо, чтобы их не сделали скучными, раньше времени старающимися быть взрослыми людьми».

Нередко Мелибеев, так же как и Гора, чрезмерно увлекается подробностями в описании отдельных видов работы, технологических процессов, за которыми не видно героев. Отдельные страницы повести напоминают своего рода учебное пособие. Вот, например, инструкция о том, как качать мед: «Надо ровно, не быстро крутить длинную ручку — она через шестеренки вращает барабан, вставленный в неподвижный железный бак. В барабан вкладывают рамки с сотами, от вращения соты открываются, мед выбрызгивается, по стенкам бака стекает вниз, густой, янтарной струей льется в белую липовую кадучку...» Автор любит медогонку, как «выбрызгивается мед и льется янтарной струей», и забывает о тех, кто это делает и как, с каким настроением делает, — никаких эмоциональных реакций, какого-нибудь психологического движения. Хоть бы тень удовлетворенной улыбки скользнула на лице ребят, чтобы на нем как-то отразилась их душа.

У Горы и Мелибеева лучше описываются дела, чем люди, совершающие эти дела, они словно, боясь — воспользуемся образным выражением П.Павленко — «окунуться на дно души своих героев», чтобы сделать их ясными, живыми в их труде, чтобы в работе проявились яркость и разнообразие чувств героев, их внутренняя содержательность, творческий порыв, радостное беспокойство или глубокое огорчение. Деятельность персонажей не вызывает волнения, если она не сопровождается эмоциями, не становится источником ярких, глубочайших переживаний, лихорадочных желаний, если работа не раскрывает высокие

нравственные устремления, подлинное богатство патриотических чувств.

В романе В. Туренской «Дорога Елены Никитиной» учащиеся именуется «наследниками больших дел», много говорится «о деятельном труде», о «слаженной жизни ребячьего коллектива, полной хлопот, тревог и кипучей деятельности», о счастье «непрерывно, самозабвенно трудиться на пользу родного народа, не жалея сил», о том, что «без труда не прожить», что надо воспитывать у детей «жажду трудиться», что «им прежде всего нужен **труд с широким горизонтом...**» Всё это верно, всё это надо пропагандировать, внушать молодым труженикам. Но можно ли рассчитывать на силу воздействия такого художественного произведения, которое сплошь заполнено словами призывов о необходимости трудиться, когда эти слова живут сами по себе, а не выйдут органически в ткань повествования, не связаны с образами, не выражают переживания их чувств героев, не раскрывают мир их моральных убеждений? Для поэтизации труда надо использовать многообразные возможности художественных средств. В статье «Литература — детям» Горький указывал: «Наша книга должна быть не дидактической, не грубо тенденциозной. Она должна говорить языком образов, должна быть художественна», обладающей силой зарядить читателя трудовым пафосом. Никакие щедрые восклицания, никакое парение восторга не заменят языка образов. Они бессильны выразить чувства человека, взволновать его душу, зажечь любовью к какому-то делу. Любовь к труду не воспитаешь одними общими рассуждениями о труде, о его красоте и пользе.

В романе «Дорога Елены Никитиной» язык образов часто подменяется искусственно подогретой восторженностью, ложной поэзией. Как и в повести «Наследники героя», в этом романе герои не изображаются непосредственно в деле, а лишь сообщается об их «большой работе», которую сделали **хорошо, великолепно**, о заработанных ими в колхозе восьми тысячах рублей, о выстроенном стадионе, выращенном рисе, разведении коконов... И обходится самое важное — как в содержании, характере деятельности героев проявляются их лучшие черты, какими качествами характеризуется это их действие, что они думают, что говорят при этом. Читатель не видит у этих «добытчиков легких лавров» ни лица, ни мимики, не слышит их разговоров, интонации голоса, не чувствует движения их души. Вместо показа труда как радостного

творчества и изображения психологического облика человека, живого непосредственного чувства — риторическое суесловие, напыщенные штампы. В пылу риторического самозабвенного восхищения взрослые умиляются: «Народ это подходящий, с таким народом жить да радоваться... спасибо (?) за наших ребятшек... детям нашим при коммунизме жить», они вместе «с сотнями тысяч людей своим трудом входят в будущее...»

В романе потоком изливаются восторги взрослых, но эти восторги не могут вызвать живую радость, ибо они передаются шаблонным приемом — откликом на то, что сделали ребята, и выражаются не сердцем героев, а стилем самого автора, высокими словами, не несущими в себе силы чувств, страстного отношения к жизни. Непонятно, **как же** заслужили эти невидимые победоносные ребята такую безмерную похвалу: ведь, кажется, всё делалось само собой. Колхозники с изумлением отзываются о работе школьников, но и их самих мы, так же как и учащихся, не видим в труде, а лишь слышим их удивленные голоса где-то за занавесом. Ни одного примера для подражания, обогащения опыта и чувств будущих хозяев земли. Силишься увидеть воображением этих героев, а перед глазами явно вырисовывается иная картина, взятая художником из жизни и не механически, а наполненная содержанием искусства.

Давыдов пашет. Он видит, как «снова — борозда за бороздой — валится изрезанная череслом и лемехом заклёкая, спрессованная столетиями почва, тянутся к нему прокинутые мертво-скрюченные корневища трав, издробленная дернистая верхушка прячется в черных валах. Земля сбоку отвала колышется, переворачивается, словно плывет». Он чувствует, как «пресный запах чернозема живителен и сладок». Вы не можете не понять глубины испытываемых героем чувств, потому что писатель дает возможность нам осмыслить содержание и черты этого чувства. Кажется, и у вас так же, как у Давыдова, тяжело ноют натертые ботинками ноги, болит в пояснице спина. Спотыкаясь, Давыдов обмерил «свой участок и улыбнулся спекшимися, почерневшими от пыли губами: вспахана за день одна десятина». Вы не читаете, не угадываете его настроения, истинные чувства, не просто воспринимаете человека в данный момент, а живете его переживаниями, подчиняетесь его настроению, вы настолько входите в круг чувств героя, что они кажутся вашими. Никакой лирики здесь нет, которая

подчас некстати вторгается в другие произведения при изображении труда и звучит фальшиво. В описании работы Давыдова не созерцательное любование, а напряжение, преодоление трудностей, борьба. Давыдов даже заснуть не может: такая сила впечатлений у него от работы, такое переживание, которого не было ранее в опыте Давыдова. «И почти сейчас же, едва только лег, перед глазами поплыла волнующая черная почва: белое лезвие лемеха скользило неслышно, а сбоку, меняя очертания, смолой вскипала, ползла черная земля...» Как правдиво и типично показана выразительность поведения героя, какое живое чувство одушевляет его, какая ясность и психологическая убедительность в изображении труда человека! И поэтому сила восприятия чужих чувств достигает исключительной яркости. В этой сцене обнаруживается высокая идейность героя, его преданность, вера в победу новой жизни. И невольно вспоминаются слова Горького: «Нужно любить то, что делаешь, и тогда труд — даже самый грубый — возвышается до творчества».

Рассказывая о «воспитании через радость», Туренская рисует вокруг своих героев всё в кричащих красках. Куда ни воззрят очи героев, везде «и всё то благо, всё добро!» В романе пионеры и комсомольцы, по словам автора, готовятся быть хозяевами будущего, но на деле они — просто гости настоящего.

Туренская поняла на своем опыте, что не словоточивый внешний пафос, не риторический казенный восторг или сусальные разговоры о труде могут привлечь и убедить читателей, а только правдивый показ деятельности героев. Об этом свидетельствует ее повесть «Где рос ясень». Пусть в ней мало уделено внимания теме труда, но там, где писательница касается ее, она поэтически конкретно пишет о деятельности героев, показывает, как в работе закаляется воля юных тружеников, отражаются черты их характера, раскрывается молодая душа.

Ученики взяли за трудное дело. Их ждет большое испытание. Но «не такие они ребята, чтобы опустить голову при первой неудаче». Они хотят доказать любимому учителю, «есть ли у них характер». И их характер проявляется в действии, в упорном стремлении к достижению цели. В преодолении препятствий у одних (их большинство) обнаруживается уверенность в своих силах, у других — слабодушие, скептицизм.

- Ты только сам подумай — будем мы рыться, как кроты, а толку?— лениво убеждал Михаил.

- А ты хочешь делать только то, что легко?— упрекает его Андрей, и когда Михаил бросил работу, нетерпеливо спрашивает ребят:— Ну, что же, по домам или копать будем?

- Копать,— твердо сказал Тоська. И ребята разом поднялись после отдыха, принялись с новыми силами за дело. У них «не так болели мускулы, лопата легче шла в грунт...» Писательница зовет советских детей познать счастье «трудовых боев».

Если Туренская покинула всё же торную дорогу и пошла по пересеченной местности в своем творчестве, то Мелибеев, возвращаясь к теме труда, в новой повести «Если рядом друзья» подходит к ней с той же подветренной стороны, что и в «Лето на Медвежьем». Мелибеев лишь изредка оборачивается против беспокоряющего ветра. А зря: именно тогда, когда он это делает, здоровое, свежее дыхание веет со страниц книги.

Остановимся на некоторых из них. Школьники пришли проведать Романа. Он в одних трусах мыл пол, очень старался: «Его дочерна загорелая кожа блестела от пота, курчавые волосы растрепались». Увидев Славу, нового товарища, Роман растерялся: полы, дескать, моет восьмиклассник. «Скрывая смущение, он принялся усиленно выкручивать тряпку над ведром», говоря, как бы оправдываясь: «Мы сегодня чистоту наводим». Славе, так же привыкшему работать с детства, научившемуся уважать любой труд, понравился Роман тем, как он, тщательно вытерев пол и вылезая из-под стола, вдруг с вызовом спросил: «А тебе когда-нибудь приходилось мыть полы?» Понравилось ему и то, как у Романа при этом обнажился упрямый подбородок, блеснули дерзко насмешливые, чуть прищуренные глаза.

В этом эпизоде автор показал умение писать художественно, создавать характеры правдивыми обстоятельствами. Мы смотрим на Романа глазами персонажей, видим, как он усердно работает, понимаем его настроение, убеждения, отношение к «черному» труду и к тем, кто считает этот труд зазорным делом: немало он знает заласканных мамами сынков. Одна сцена — и какой яркий, активно действующий персонаж предстал перед нами.

Радость вызывает Слава своей любовью к труду. Вот он сидит рядом с отцом за рулем машины и с завистью искоса поглядывает, как

отец легко, словно шутя, правит ею. Славе очень хотелось самому сесть за руль, но он не решается попросить у отца баранку: на заднем сиденье расположился какой-то толстый дядя в кожаном пальто.

Александр Ильич заметил мучительное желание сына и передал руль в его уже проверенные руки. Незнакомец забеспокоился: «Разве можно доверять машину мальчику?» — «Во-первых, Вячеслав уже не мальчик и машину водит не хуже моего,— обиделся за сына Александр Ильич, и, полуобернувшись назад, с открытой насмешкой добавил;— А, во-вторых, вы же, товарищ Савкин, сами выражали неудовольствие директору совхоза, что у нас плохо выдвигается молодежь. Вот и посмотрите на моего выдвигенца. Уверен—не подведет!» Принимай, Родина, нового орленка с окрепшими крыльями и беспредельной готовностью служить тебе, принимай, радуйся и верь. Только так можно понять чувства отца. Именно это, наверное, чувствовал Слава. Он ведет машину. Какое удовольствие для него «без слов, одним движением приказывать ей бежать вперед; чувствовать, как, повинувшись тебе, она снижает скорость или, наоборот, мчится быстрее; и кажется тогда, что потребуй от нее еще немного — машина оторвется от дороги и полетит по воздуху». Им движет мысль: «Ну, быстрее, еще быстрее!» И тут Слава чувствует на своем локте крепкую руку отца. Отец ничего не говорит, он только слегка сжимает локоть сына, и тот сразу понимает: сбавляя газ, замедляет бег машины. Рука отца отпускает его локоть. Но вот он опять чувствует прикосновение этой твердой и доброй руки — Слава снижает ход, делает плавный поворот на крутом изгибе дороги».

Именно такое страстное воодушевление героев может вдохновить, зажечь пылкой любовью к прекрасному труду. Пафос изображения этих людей не в выпяченном скудомыслии, а в раскрытии их душевной силы, многоцветной красоты чувств, наполненных животворными соками жизни.

Досадно, что не всё в книге так впечатляюще изображается. В ряде сцен, словно кто подменил автора, появляется тусклое, бесстрастное повествование о людях и событиях, не похожих на действительность, — как тот искусственный пионерский костер, о котором иронически пишет Мелибеев, что «мог гореть только ровным холодным светом, не согревая ни одного сердца, как всякая подделка».

Сомнительно, например, изображается труд учителей. Все уроки — скучные, наводящие

тоску. В книге сообщается, что у Романа были «любимые предметы» которые «он учил с охотой, а те, что казались ему скучными, кое-как вытягивал на тройку». Выходит, причина плохой учебы ребят только в том, что невесело им на уроках. Любопытно, а какие у Романа «любимые предметы» и почему? Ведь поэтому можно судить о характере ученика, его жизненном опыте, помыслах и устремленности в будущее.

XX съезд КПСС требует систематически приобщать учащихся, молодежь к труду в различных отраслях народного хозяйства, воспитывать у подрастающего поколения коммунистическое отношение к труду. Перед писателями встала большая, благородная задача — поэтически вдохновенно запечатлеть в художественных произведениях, как претворяются в жизнь эти веления нашей партии.

Оперативно откликнулся на новые события в советской действительности Б. Речин. Его документальная повесть «Своей дорогой» рассказывает о замечательных делах ученической бригады Григориполисской школы о юных колхозниках, их горячем труде на родных полях.

Повесть эта, по правде говоря, не вызывает глубокого и яркого художественного впечатления. Она не свободная от серьезных недостатков в изображении трудовой жизни героев. Ей, например, свойственны некоторая напыщенность, внешняя эффективность, мешающие тому, чтобы сильнее выступил внутренний пафос. Есть холодно-рассудочные главы о значении труда, об отрыве школы от жизни. И в этом произведении герои слабо показываются непосредственно в трудовой деятельности. Их радость, «великое наслаждение работать на благо Родины», «счастье труда во имя построения коммунизма» подчеркивается

также прямыми, логическими формулировками, а не раскрывается посредством художественных образов, через мысли, чувства самих ребят. Горький, прочитав «Педагогическую поэму», заметил Макаренко, что «работа оставляет ребят несколько в тени», и объяснил: «Это — потому, что работу Вы освещаете словами, тогда как освещение ее требует фактов». И Макаренко, следуя совету Горького, переработал поэму так, что в ней выпуклее стали картины, изображающие труд коллектива.

Повесть Речина не доработана. И тем не менее в ней нельзя не видеть познавательного и воспитательного смысла. В повести запечатлено живое дело политехнизации, на конкретных образах обличаются очень вредные пережитки во взглядах молодежи на труд и учение.

Писатели Ставрополя имеют страстное желание активно помогать партии в коммунистическом воспитании детей и юношества. А всё-таки одна мысль беспокоит: они еще недостаточно вдумчиво и серьезно работают над тем, чтобы силой художественного слова выразить горячую любовь к труду, раскрыть его эстетику, одухотворить поэзией творчества, во всем великолепии показать «красоту деяния», чтобы герои их книг олицетворяли радость труда, звали читателей к мужественной героической работе, волновали побуждением трудиться на благо Родины, стать настоящими созидателями. Писатели призваны, следуя советам великого Горького, помочь «людям понять и почувствовать великий смысл жизни, огромное значение и радость труда», испытать пламенное наслаждение от работы, научить понимать труд как творчество. А какой драгоценный, волнующий материал дает действительность — всмотришься, вслушайся в жизнь, говори ее устами, ее голосом — и произведение отзовется в сердце читателя.